

УДК 821.161.1-312.9

**ПОЭТИКА ФАНТАСТИЧЕСКОГО В ПОВЕСТЯХ
В. Ф. ОДОЕВСКОГО
(К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)**

А. О. Зимилева

Тверской государственный университет

кафедра филологических основ издательского дела и литературного творчества

Предметом исследования в статье становится специфика вторичной условности в повестях В. Ф. Одоевского. В отличие от рассказов того же жанра («сказок»), которые во многом наследуют черты «Петербургских повестей» Н. В. Гоголя, фантастические повести писателя базируются на сложных теоретических основаниях и отличаются художественным своеобразием.

Ключевые слова: *фантастика, В. Ф. Одоевский, повесть, романтизм, вторичная условность.*

Фантастическая повесть – особая ветвь русского романтизма, имевшая под собой серьезные социокультурные и исторические предпосылки. Период расцвета жанра – первая треть XIX века. С одной стороны, у истоков русской фантастической повести лежат баллады В. А. Жуковского и отголоски «готического» романа (одним из первых отечественных примеров можно считать «Остров Борнгольм» Н. М. Карамзина). С другой, расцвет жанра не случайно падает на период после 14 декабря 1825 г. Декабристы смотрели на фантастику с точки зрения рационализма, свойственного идеологии эпохи Просвещения. Подавление восстания и последовавшие за этим жесткие реакционные меры привели к кризису декабристской идеологии. Атмосфера «идейного бездорожья», отсутствие свободы слова, возможности деятельного преобразования общества спровоцировали обострение иррациональных чувств и настроений.

В любом сборнике или антологии фантастической прозы представлена целая плеяда авторов. Вместе с тем сложно назвать хотя бы несколько имен, которые прочно ассоциировались бы с жанром и внесли бы существенный вклад конкретно в его развитие. Во многом это связано с противоречивой репутацией фантастики в общем потоке русской литературы и, как следствие, с недостаточной ее изученностью и популяризацией. Однако роль фантастики как проявления вторичной условности нельзя преуменьшать. Как замечает В. А. Редькин, «лирическое и романтическое начала <...> сливаясь, приводят к особой субъективности восприятия мира, повышению роли вторичной условности, а следовательно, особой трансформации времени и пространства, свободному перемещению в них, необычным точкам зрения и т. д.» [8, с. 66]

Среди писателей-фантастов того времени есть имя, обладателя которого принято считать «писателем второго ряда» или «пушкинской поры», однако его творчество заслуживает особого внимания и при анализе дает богатейший материал для изучения специфики русской фантастики в целом. Это кн. В. Ф. Одоевский, автор «Городка в табакерке», «Пестрых сказок» и первого в России философского романа «Русские ночи». О многом говорит уже тот факт, что издание «Сочинений»

Одоевского, вышедшее в 1844 г., стало последним значительным сборником фантастических произведений в России XIX века.

Многие критики считали его прямым последователем Гофмана, однако корни творчества Одоевского лежат гораздо глубже. На становление философско-эстетических взглядов Одоевского во многом повлияли сочинения немецких романтиков – Новалиса, Л. Тика и Гофмана. Ключевую роль в формировании его мировоззрения сыграло философское учение Шеллинга, особенно позднего периода, связанного с «мифологизмом» и «философией откровения».

В предисловии к изданию романа «Русские ночи» Е. Маймин высказывает следующие мысли: «Убежденный романтик, Одоевский главную роль в преображении мира отводил идеям и художественным образам, поэтому органичный для мыслителя синтетизм, энциклопедизм особенно ярко выделялся в соединении науки и искусства, ибо во всех своих произведениях <...> Одоевский воплощает социальную или философскую мысль в художественных картинах, а поэтические образы его становятся идеологическими символами. Отсюда такой насыщенный интеллектуализм повестей и рассказов писателя, доходящий иногда до “метаязыка”, т. е. до описания самого процесса творчества» [2].

«Пестрые сказки». Эта книга неоднородна, ибо вместе со сказочными аллегориями в нее включены два произведения, которые никак не могут быть причислены к данному жанру. Это «Сказка о том, по какому случаю коллежскому советнику Ивану Богдановичу Отношенью не удалось в светлое воскресенье поздравить своих начальников с праздником» и «Сказка о мертвом теле, неизвестно кому принадлежащем».

Вопреки названиям, это по сути своей повести, в которых реальнейший русский быт выявлен и осужден с помощью шуточной, комической фантастики. Одоевский здесь обратился к изображению чиновничьей жизни и показал ее канцелярский идиотизм, механичность и пустоту. Столь же нелепа, лишена духовности и здравого смысла жизнь приказного Севастьяныча, которого посетил вдруг дух человека, имевший «несчастную слабость» выходить на время из собственного тела. На просьбу призрака вернуть ему случайно утерянное тело опытный чиновник невозмутимо отвечает привычным «та-ак-с». Куда большее впечатление производит на него предложенная привидением взятка. Дух оказался платежеспособным и посулил приказному пятьдесят рублей. Очевидно, что это сатира, и сатира социальная.

Самое фантастическое в «сказках» В. Ф. Одоевского заключается в причудливом и свободном смешении необыкновенного и повседневного. Такое «соединение несоединимого» имеет сильный художественный эффект и используется в целях обличения. Элементы необычного и фантастического выводят реальное из привычного ряда, «остраняют» его, позволяют читателю свежо и по-новому увидеть то, что по рутинности воспринималось им автоматически. Давно замечено, что «сказки» Одоевского как бы предваряют в нашей прозе «Петербургские повести» Н. В. Гоголя. Однако значение сходства «в мелких деталях» едва ли следует акцентировать: гораздо важнее близость в поэтике. Своими прямыми высказываниями рассказчик Одоевского часто переводит повествование в высокий и обобщенный план. Смешивая при этом бытовое и фантастическое, он придает сюжетам вид философской притчи или легенды. Вместе с тем данные произведения предвещают существенные черты сатирической, в том числе и сказочной, поэтики Щедрина.

Во второй половине 30-х гг. Одоевский пишет ряд повестей, которые некоторыми исследователями причислялись к разряду «мистических» или «таинственных». Это повести «Сильфида», «Саламандра», «Косморама», «Орлахская крестьянка». Именно эти произведения способствовали тому, что дореволюционные исследователи и современные зарубежные толкователи творчества писателя создали ему довольно устойчивую репутацию мистика и идеалиста. П. Н. Сакулин

характеризовал эти три повести как «самые значительные и наиболее отделанные произведения мистического содержания» [9, с. 90].

Похожие идеи высказывает современный исследователь Ю. В. Манн: «Примерно в то же время, когда Одоевский стал отходить от принципов философии тождества, обнаружилось его тяготение к мистике. Одоевский изучает сочинения древних каббалистов и алхимиков, крупнейших мистиков XVI–XIX вв. – Якова Беме ... Юнга-Штиллинга и особенно Сен-Мартена и Пордеча...» [3, с. 110].

«Сильфида» является одной из наиболее характерных и законченных фантастических повестей автора. В центре повести – проникновение героя в потусторонний мир «стихийных» или «элементарных» духов. Начитавшись трудов старинных мистиков, алхимиков и каббалистов, Михаил Платонович вызвал «элементарного» духа – Сильфиду, прекрасную женщину, как бы всю сотканную из солнечных лучей. С ее помощью герой проникает «в другой, новый, таинственный мир», полный поэзии, света и счастья. Вмешательство будущего тестя вырывает героя из идеального мира и возвращает его к действительности. Михаил Платонович сначала глубоко страдает о потерянном рае, но потом привыкает к серой, будничной действительности, женится и становится «совершенно порядочным человеком», «как другие».

Мистические элементы в «Сильфиде» выполняют ту же функцию, что и фантастика в «Пестрых сказках». Они отрешают от повседневного и бытового, переключают повествование на «высокую волну», придают ему философское звучание. Сильфида, это таинственное существо, явившееся герою повести, несет в себе новое, всеобъемлющее знание о мире.

Мысль Одоевского о мелочах как цели бытия множества людей заставляет вспомнить знаменитые слова из «Мертвых душ» о «страшной, потрясающей тине мелочей, опутавших нашу жизнь». В этой рутине быта и вязнет постепенно герой «Сильфиды». Подобно Гоголю, Одоевский показал страшную власть быта, бездуховной материальности, разрушающую личность и выталкивающую ее либо в житейскую пошлость, либо в безумие. В герое «Сильфиды» медленно гибнет человеческое начало, высокоразвитая духовность, и он становится «живым мертвецом», двойником бригадира из одноименной повести Одоевского.

Здесь уже присутствует не готический, а чисто романтический *мотив поиска идеала*. Тонкий мир есть не только вовне, но и внутри: психологические особенности романтической личности, находящейся в конфликте с реальной действительностью, но познающей мир с помощью интуиции. Герой становится не случайным участником или свидетелем происходящих сверхъестественных событий, – он их духовный инициатор. Эту идею Одоевский формулирует в эпиграфе к рассказу «Живой мертвец»: «Мне бы хотелось выразить буквами тот психологический закон, по которому ни одно слово, произнесенное человеком, ни один поступок не забываются, не пропадают в мире, но производят непременно какое-либо действие; так что ответственность соединена с каждым словом, с каждым, по-видимому, незначащим поступком, с каждым движением души человека». Характерно, что и «Живой мертвец», и «Сильфида» являются повествованиями от первого лица. Лирическое Я – источник всего. В финале «Сильфиды» о судьбе героя повествуют другие персонажи, что символично: общество поглотило героя.

В повести «Саламандра» видно стремление писателя соединить историю, философию и художественную прозу. В сущности, это составное произведение, романтическая диалогия о трех эпохах – петровской, послепетровской и современной Одоевскому поре 1830-х гг. В пределах обычного исторического романа в духе Вальтера Скотта такое соединение было невозможно. Одоевский, как всегда, нашел особый путь: он соединил в рамках одного произведения историческую прозу

и философско-фантастическую повесть «Эльса». В исторической повести «Южный берег Финляндии в начале XVIII столетия» явственно ощутимо воздействие незавершенного пушкинского романа «Арап Петра Великого», судя по всему, известного Одоевскому еще в рукописи. Это история юного финна Якко, отправленного Петром Первым на учение в заморские страны. Подобно пушкинскому Ибрагиму, Якко становится свидетелем, а затем и участником великих свершений царя-труженика.

Но постепенно Якко из «естественного», выросшего в органичном единении с родной природой и народом человека превратился в типичного исполнителя, одержимого мыслью о продвижении по службе и покровительстве царя. После смерти Петра Первого ученый типограф и переводчик «цифирных книг» стал алхимиком, жаждущим золота, власти над миром и людьми. И во второй части «Саламандры» показано постоянное снижение, профанация высокой науки и духовных идеалов петровской эпохи, начавшаяся после смерти Петра. Как и пушкинский Германн, Якко приходит к мысли, что ради золота все дозволено. Это уже сознательный демонизм, злая сила, которой рабски прислуживает лишенная этического начала наука. Саламандра, дух огня, возвещает алхимику, что любое желание его исполнится – стоит только пожелать. Но желания Якко злые и антигуманные: каждое, исполняясь, уносит чужую жизнь. В довершение всего Одоевский придает Якко весьма многозначительную черту: его герой в конце концов отказывается ради золота даже от своего человеческого облика, перемещаясь в тело убитого им старого графа.

Рассказ о поучительной судьбе Якко, размышления о судьбах науки, о переменных в российской действительности – вот главное в «Саламандре», а фантастика, при всей ее сложности и многозначности, лишь помогает реализовать этот замысел Одоевского.

Особняком стоит произведение «Косморамы». Повесть была напечатана в 1840 г. в «Отечественных записках» и не вошла в собрание сочинений Одоевского, подготовленное самим писателем в 1844 году. В сборники повестей Одоевского ее не включали; она оставалась достоянием лишь узкого круга исследователей. Ее переиздали лишь в 1988 г. и почти не анализировали с точки зрения художественных мотивов. Отдельные замечания о повести можно найти в общих работах таких исследователей, как П. Н. Сакулин, М. А. Турьян, Н. Корнуэлл. Ей также посвящена статья В. Э. Вацура [1].

Герой повести, мальчик Володя, получает в подарок от домашнего доктора игрушечную космораму и погружается в новый для него мир. В этом мире действуют хорошо знакомые ему люди, в том числе его родные, но они живут другой, неизвестной ему жизнью, и мальчик не может понять, что видит то, что уже случилось с ними или случится в будущем. Это дар «двойного зрения», ясновидения, который Одоевский в других повестях будет объяснять таинственными свойствами человеческой психики, присущими, по его мнению, в особенности сознанию детей и народов, сохранивших черты первобытности.

Правда, в «Космораме» действует иной закон: Володя случайно прикоснулся к мистическим знакам на игрушке, и ему открылся мир «инобытия». Он вырастает, проводит годы вне дома, превращается в молодого человека «света» и забывает о своих детских играх, но, вернувшись на родное пепелище, обнаруживает брошенную космораму. Детские видения воплощаются в реальность, и сами же двойники в космораме, и в их числе он сам, продолжают свою таинственную и часто зловещую жизнь. В итоге вмешательство инфернальных – с точки зрения героя – сил разрушает его личное счастье. Хотя вариант рационального объяснения предложен в сюжете, здесь мы снова имеем дело с идеей «кармы», круговой поруки, не знающей ни времени, ни пространства. Здесь вновь звучат готические мотивы рока и неотвратимости наказания.

Таким образом, повести В. Ф. Одоевского подчинены единой задаче выявления социально-психологических конфликтов, и если в сатирическом плане он следует традициям классической русской сатиры, то в философском писатель создает неповторимый художественный мир, сделавший его фантастическую прозу одним из самых значимых отечественных явлений в данном жанре.

Список литературы

1. Вацуру В. Э. София: Заметки на полях «Косморамы» В. Ф. Одоевского [Электронный ресурс] // Журнальный зал. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2000/42/vacuro2.html>. (Дата обращения: 09.02.2016.)
2. Маймин Е. Владимир Одоевский и его роман «Русские ночи» // Одоевский В. Ф. Русские ночи. М.: Наука, 1975. 320 с.
3. Манн Ю. В. Русская философская эстетика. М.: МАЛП, 1998. 381 с.
4. Одоевский В. Ф. О литературе и искусстве [Электронный ресурс] // Lib.ru/Классика. URL: http://az.lib.ru/o/odoewskij_w_f/text_0270.shtml. (Дата обращения: 09.02.2016.)
5. Одоевский В. Ф. Пестрые сказки. СПб.: Наука, 1996. 206 с.
6. Одоевский В. Ф. Повести и рассказы. М.: Гослитиздат, 1959. 494 с.
7. Одоевский В. Ф. Русские ночи. Л.: Наука, 1975. 320 с.
8. Редькин В. А. Поэма Юрия Кузнецова как жанровая система // Юрий Кузнецов и христианский мир. М.: Моск. культурно-образовательный центр при Лит. ин-те им. А. М. Горького. 2013. С. 66–82.
9. Сакулин П. Н. Из истории русского идеализма. Князь Одоевский: Мыслитель. Писатель: Т. 1. в 2 ч.: Ч. 2. М.: Изд. М. и С. Сабашниковы, 1913. 480 с.
10. Сахаров В. Я. О жизни и творениях В. Ф. Одоевского // Одоевский В. Ф. Сочинения: в 2 т. Т. 1: Русские ночи: статьи. М.: Худож. лит., 1981. 370 с.

THE POETICS OF THE FANTASTIC IN V. F. ODOEVSKY'S STORIES

A. O. Zimileva

Tver State University

the Department of Philological Basics of Publishing and Literary Creation

The subject of the article is the features of the secondary fictionality in V. F. Odoevsky's stories. Odoevsky's fantastic stories, in contrast to his satirical short stories («the tales»), which inherit the features of the «Peterburgskie povesti» by N. V. Gogol, are based on complex theoretical foundations and are characterized by artistic singularity.

Keywords: *V. F. Odoevsky, tale, fantastic, romanticism, secondary convention.*

Об авторе:

ЗИМИЛЕВА Анастасия Олеговна – аспирант кафедры филологических основ издательского дела и литературного творчества Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: foidid-red@rambler.ru.

About the author:

ZIMILEVA Anastasiya Olegovna – Postgraduate Student of the Department of Philological Basics of Publishing and Literary Creation, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabov str., 33), e-mail: foidid-red@rambler.ru.